

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

1909 г.

Пров. 50

кн. 2

ТОМА XIV-го КНИЖКА 2-я.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1909.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова и К. Л. Риннера въ Санктпетербургѣ; Н. П. Карбасникова въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; Н. Я. Оглоблина въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; Н. Ниммеля въ Ригѣ; у Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ; Люзанъ и Номп. въ Лондонѣ, а также въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цена этой книжки одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ.

Содержаніе II-й книжки.

	СТРАН.
I. В. Адрианова. — Евангеліе Θомы въ старинной украинской литературѣ. I—VII. Приложение I—II.	1— 47
II. Д. Н. Кудрявскій. — Къ статистикѣ глагольныхъ формъ въ Лаврентьевской лѣтописи.	48— 54
III. Ю. А. Яворскій. — Византійскія сказанія о Львѣ Премудромъ въ русскихъ спискахъ XVII—XVIII вѣковъ. (Посвящается глубокоуважаемому Алексѣю Ивановичу Соболевскому).	55— 84
IV. В. Θ. Миллеръ. — Къ сказкамъ объ Иванѣ Грозномъ.	85—104
V. Н. П. Кашиныхъ. — Неизданныя произведенія Н. Θ. Щербины. А — Е.	105—151
А. Рукопись «Утреннія пѣсни»: 1) Пляска, 2) Сцены изъ жизни Грековъ, 3) Осада Ипсары, 4) Пиръ, 5) Прощальное утро, 6) Молва, 7) Ночь и синьора, 8) * * *, 9) Безсонная ночь (с. 106). Б. По рукописи «Стихотворенія во вторую часть «Молодика»: 1) Поддѣльная роза, 2) Разсказъ о жизни, 3) Встрѣча, 4) Раскаяніе, 5) Голосъ изъ гроба, 6) Сердце и 7) Письмо (с. 137). В. По рукописи: «Стихи. 1843. Таганрогъ». 1) Смотрю на васъ я грустными очами, 2) Окно, 3) Мнѣ нечего отъ жизни ожидать, 4) Дума о жизни, 5) Осеннее чувство, 6) Впечатлѣнія и 7) Сопернику (с. 142). Г. По рукописи: «X стихотвореній во вторую часть «Молодика»: 1) Свиданіе (с. 147). Д. По спискамъ на отдѣльныхъ листочкахъ: 1) Стансы, 2) Недовольному, 3) Καλή νύχτα σας, 4) Нашъ вѣкъ (148). Е. По списку изъ «Собранія автографовъ» государственныхъ людей etc. (с. 151).	
VI. А. С. Грушевскій. — Изъ исторіи украинской этнографіи. Этнографическія темы въ украинской литературѣ.	152—180
VII. А. И. Беличъ. — Замѣтки по чакавскимъ говорамъ.	181—266
VIII. А. И. Яцимирскій. — Къ исторіи апокрифовъ и легендъ въ южно-славянской письменности. I—V.	267—322
I. Апокрифическій элементъ у нѣкоторыхъ южно-славянскихъ писателей (с. 270). II. Южно-славянскіе и восходящіе къ нимъ списки индекса отреченныхъ книгъ (с. 281). III. Сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ (с. 288). IV. Сказаніе о земной жизни Богоматери (с. 294). V. Сказанія объ Успеніи Богоматери (с. 311).	

IX. Библиографія:

- 1) Н. С. Державинъ. — Прародина и праязыкъ болгаръ. (Д-ръ Г. Цѣновъ. Праотечеството и праязикать на

[Продолженіе см. на 3-ей страницѣ обложки].

- Българитѣ. Историко-филологически издирвания
възъ основа на първоисточници. София. 1907). 323—335
- 2) **Н. М. Петровскій.** — Вукова преписка. Книга друга. (Др-
жавно издаѣе). Београд. 1908. 8°. XXIV+859 стр.
Цена 10 динара. 336—347
- 3) **Его-же.** — Aus Jacob Grimms Briefwechsel mit slavischen
Gelehrten. Mitgeteilt von August Sauer. Prag. Druck
und Verlag von Carl Bellmann. 1908 [Prager Deutsche
Studien. Herausgegeben von Carl von Kraus und Au-
gust Sauer. Achtes Heft. Sonderabzug]. 8°. 45 стр. 348—352
- 4) **А. В. Марковъ.** — Былъ ли Петръ Великій авторомъ
пѣсни «Какъ на матушкѣ на Невѣ-рѣкѣ»? 353

X. Приложение:

- 1) **В. Н. Бенешевичъ.** — Обзорѣние трудовъ по славяновѣ-
дѣнiю, составляемое В. Н. Бенешевичемъ, Вс. И.
Срезневскимъ, М. Р. Фасмеромъ и А. А. Шахма-
товымъ подѣ редакцiей В. Н. Бенешевича. 1908—
1909 гг. Выпускъ II (до 1 сентября 1909 г.). 354—392

Библиографія.

Прародина и праязыкь болгарь.

(Д-ръ Г. Цѣновъ. Праотечеството и праязыкь на Българитѣ. Историко-филологически издирвания въз основа на първоизточници. София. 1907).

Область славянскихъ древностей представляет собою широкое поле для научной работы, но вмѣстѣ съ тѣмъ она, несомнѣнно, и очень неблагодарна въ томъ отношеніи, что легко вызываетъ изслѣдователя на поспѣшные выводы вмѣсто того, чтобы остановить его вниманіе на детальной проработкѣ матеріала. Въ этой увлекательной области такъ много кажущихся истинъ, что очень легко обмануться, принявъ за истину то, что въ сущности далеко отъ истины и цѣнно не какъ истина, а только какъ матеріалъ, накопленіе котораго въ будущемъ, быть можетъ, и скажетъ изслѣдователю именно то, что такъ хотѣлось бы ему сказать уже теперь, пользуясь огромнымъ и, повидимому, несомнѣннымъ матеріаломъ. Такимъ образомъ, цѣнность научной работы очень часто заключается не въ открытіи истины, а только въ ея исканіи. Правда, область славянскихъ древностей, какъ мы отмѣтили выше, даетъ много матеріала для весьма заманчивыхъ построеній, которыя могутъ варьироваться на разные лады въ зависимости нерѣдко отъ чисто случайныхъ условій, какъ, напр., личныхъ склонностей и симпатій автора, его условныхъ толкованій текста и т. д., но изслѣдованіе матеріала, критика текста, анализъ первоисточниковъ — это такая работа, которая стоитъ несравненно выше какихъ бы то ни было готовыхъ формулъ и которая, конечно, скорѣе приведетъ къ истинѣ, нежели претендующія на истину, мало обоснованныя построения...

Вопросу о прародиѣ болгарь до настоящаго времени въ спеціальной литературѣ удѣлялось такъ много вниманія, по этому вопросу написано такъ много статей и изслѣдованій, что одно ознакомленіе съ литературою вопроса потребовало бы много времени и труда и не дало бы вмѣстѣ съ тѣмъ никакого опредѣленнаго отвѣта по интересующему вопросу; напротивъ, оно нагляднѣйшимъ образомъ убѣдило бы читателя въ томъ, какъ шатки въ данномъ вопросѣ тѣ основанія, на которыхъ обык-

повенно строятся всѣ заключенія, и какъ полезно было бы пересмотрѣть самыя основанія, прежде чѣмъ пользоваться ими для какихъ бы то ни было выводовъ. И, дѣйствительно, несмотря на огромную литературу, вопросъ о происхожденіи праболгарь все еще не можетъ считаться разрѣшеннымъ, и, какъ замѣчаетъ проф. Шишмановъ, въ немъ предстоитъ еще очень много работы, прежде чѣмъ будутъ достигнуты какіе либо положительные результаты. Это замѣчаніе проф. Шишманова любопытно въ томъ отношеніи, что ему, именно, принадлежитъ наиболѣе обстоятельный обзоръ всей литературы предмета и тѣхъ главнѣйшихъ выводовъ и гипотезъ, къ которымъ приходили въ разное время изслѣдователи, начиная съ 1771 года, вплоть до 1900, останавливаясь на томъ же вопросѣ—о праязыкѣ и прародинѣ болгарь. (См. его: Критиченъ прѣгледъ на въпроса за произхода на прабългаритѣ отъ езиково гледище и етимологитѣ на името «българинъ». Сб. М. Н. Пр. кн. XVI—XVII. София 1900). Въ виду этого, появленіе новой работы, трактующей вопросъ, который въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтія оставался спорнымъ вопросомъ, и при томъ работы, ставящей своею задачей дать категорическій отвѣтъ и разрѣшить всѣ сомнѣнія, представляетъ, конечно, извѣстный интересъ и заслуживаетъ вниманія, но уже самая попытка при этихъ условіяхъ, т. е. при такомъ почтенномъ возрастѣ вопроса дать тѣмъ не менѣе на него категорическій отвѣтъ вызываетъ неминуемо къ себѣ нѣсколько предубѣжденное настроеніе, которое, какъ мы увидимъ ниже, по разсмотрѣніи труда г. Цѣнова оказывается вполне основательнымъ и прежде всего потому, что при современномъ состояніи знаній въ этой области вопросы, подобные вопросу о прародинѣ и праязыкѣ болгарь, не могутъ рѣшаться категорически.

Въ своемъ изслѣдованіи г. Цѣновъ доказываетъ, что болгары на Балканскомъ полуостровѣ не пришлый элементъ, а автохтонный: это славяне, испоконъ вѣковъ жившіе на Балканскомъ полуостровѣ, но извѣстные своимъ сосѣдямъ, византійцамъ и римлянамъ, подъ различными именами, въ томъ числѣ и подъ именемъ болгарь. Доказать тождества различныхъ упоминаемыхъ у древнихъ историковъ подъ разными именами народовъ, населявшихъ территорію Балканскаго полуострова и прилегающихъ къ нему странъ, со славянами—съ одной стороны, и этихъ послѣднихъ съ болгарами—съ другой, и затѣмъ выяснитъ роль этого этническаго элемента въ судьбахъ восточно-римской имперіи—составляетъ его основную задачу. По вопросу о праязыкѣ и прародинѣ болгарь въ наукѣ извѣстно нѣсколько болѣе или менѣе основательныхъ гипотезъ. Первый починъ въ этомъ сложномъ вопросѣ былъ сдѣланъ въ 1771 г. знаменитымъ Шлѣцеромъ, высказавшимся въ томъ смыслѣ, что нынѣш-

ніе болгары несомнѣнно славяне, но болгары, появившіеся съ Волги, не славяне, а по всеѣмъ вѣроятіямъ какой либо тюркскій народъ. Взглядъ Шлёцера, поддержанный и шире обоснованный Тунманомъ и Энгелемъ, положилъ основаніе тюркско-татарской гипотезѣ происхожденія болгаръ. Однако уже въ началѣ XIX-го ст. появилась новая гипотеза, высказавшаяся за безусловное славянство праболгаръ, гипотеза Венелина, напечатанная въ 1829 г. свой трудъ — «Древніе и нынѣшніе болгаре...» Эта теорія имѣла много сторонниковъ, но и она, какъ противоположная крайность по отношенію къ тюркско-татарской гипотезѣ, не сумѣла завоевать себѣ прочнаго положенія, и уже черезъ три года послѣ работы Венелина появились новыя работы Френа, привлекавшаго къ изслѣдованію показанія арабскихъ источниковъ и высказавшагося о болгарахъ въ томъ смыслѣ, что уже въ болѣе раннюю эпоху этотъ народъ не былъ ни чисто славянскимъ, ни чисто финскимъ, ни тюркскимъ народомъ, а представлялъ собою пеструю смѣсь изъ этихъ трехъ элементовъ, принадлежа первоначально, по всеѣмъ вѣроятіямъ, къ какому то большому финскому племени и затѣмъ съ теченіемъ времени подвергнувшись ассимиляціи съ славянскимъ и тюркскимъ элементомъ, при чемъ волжскіе болгары, въ концѣ концовъ, всеѣмъ превратились въ тюрковъ, а братья ихъ, болгары дунайскіе, въ славянъ. Клапротъ (1826), Шафарикъ и Цайсъ выставили урало-чудскую теорію, считая болгаръ народомъ угро-гунскаго, угрофинскаго или финно-тюркскаго происхожденія. Къ этой послѣдней урало-чудской теоріи примкнули Гильфердингъ (1868), Рёслеръ (1871), предполагавшій, между прочимъ, въ языкѣ праболгаръ языкъ самоѣдскій, Дриновъ (1869, 1873), Иречекъ. Равнымъ образомъ и теоріи тюркско-татарская и славянская каждая получили свое дальнѣйшее развитіе въ трудахъ послѣдующихъ лингвистовъ, этнографовъ и историковъ. Первая гипотеза выдвинула такихъ изслѣдователей, какъ Томашекъ (1897), Куникъ (1878), Вамбери (1882), вторая проф. Иловайскаго, высказавшагося за славянство болгаръ въ цѣломъ рядѣ своихъ статей, замѣтокъ и изслѣдованій. Любопытно въ данномъ случаѣ то, что каждая гипотеза строила свои выводы на томъ же самомъ матеріалѣ, пользуясь которымъ другая гипотеза приходила къ совершенно инымъ заключеніямъ, и особенно поучительна во всемъ этомъ вопросѣ судьба знаменитаго именика болгарскихъ князей, открытаго впервые въ 1866 г. Поповымъ и послужившаго затѣмъ обильнымъ матеріаломъ для всевозможнѣйшихъ лингвистическихъ догадокъ и предположеній. (Подробнѣе объ этомъ см. въ назв. статьѣ проф. Шишманова).

Исходнымъ пунктомъ своихъ разсужденій нашъ изслѣдователь, г. Цѣновъ ставитъ показанія Іордана, который на ряду съ склавенитами,

антами и другими народами, населявшими область древней Скиѳіи, называет также и болгаръ, помѣщая ихъ южнѣе агатырезовъ у Чернаго моря. Изъ этого показанія авторъ заключаетъ, что въ VI в. по Р. Хр. болгары уже жили на своихъ нынѣшнихъ мѣстахъ поселенія, такъ какъ другое пространство черноморскаго побережья, пространство между Днѣпромъ и Днѣстромъ у Иордана занято антами. Болгары сосѣдили съ славянами и антами и были такимъ же скиѳскимъ народомъ, каковы и гепиды, анты, славяне, венеты.

Однако, у Геродота въ его описаніи Скиѳіи наряду съ идентичнымъ упоминаніемъ объ агатырезахъ нѣтъ упоминанія о славянахъ и болгарахъ, равнымъ образомъ, какъ и у Ам. Марцеллина (IV в.), при описаніи Скиѳіи, названы народы, которыхъ также нѣтъ у Геродота, именно: аланы, готы, гунны и пр. Авторъ утверждаетъ, что упоминаніе позднѣйшими сравнительно съ Геродотомъ историками народностей, которыя не названы Геродотомъ, не есть доказательство того, что они поздняго появленія на данной территоріи; по мнѣнію автора, все это старые народы, или получившіе позднѣе новое имя или же упущенные изъ виду Геродотомъ, при чемъ, въ какомъ отношеніи къ Геродоту (V в. до Р. Хр.) стоитъ Марцеллинъ (IV в. по Р. Хр.), въ такомъ точно отношеніи Иорданъ (VI в. по Р. Хр.) стоитъ къ Марцеллину. Иорданъ называетъ народы, которыхъ нѣтъ у Марцеллина: славяне, венеты, анты, болгары, гепиды, хотя въ названіяхъ агатырезовъ, гунновъ, готовъ, аланъ оба сходятся. Эта разница объясняется тѣмъ, что Геродотъ имѣетъ дѣло преимущественно съ народами по нижнему теченію рр. Дона, Днѣпра, Днѣстра и Дуная, а Иорданъ съ народами между Дравой и Чернымъ моремъ. Съ другой стороны, если у Геродота и Марцеллина нѣтъ данныхъ о народностяхъ, о которыхъ говоритъ Иорданъ, то потому только, что они просто не интересовались тою частью Скиѳіи, о которой говоритъ Иорданъ. Такимъ образомъ, славяне, венеты, анты, болгары, гепиды Иордана — не вновь прибывшіе поселенцы, а постоянные обитатели своихъ мѣстъ, на которыхъ застаютъ ихъ Иорданъ, не говоря ничего о ихъ иноземномъ происхожденіи. Остановливаясь подробнѣе на вопросѣ о гуннахъ, авторъ обращаетъ вниманіе на имя перваго гунскаго царя, по Иордану, Баламиръ или Валамиръ, т. е. Владимиръ. Затѣмъ сообщеніе Иордана о томъ, что въ сраженіи съ римскимъ императоромъ Валенціемъ у Одрина дѣйствовали вмѣстѣ готы, гунны, аланы, съ точки зрѣнія автора, вполне достаточно для утвержденія родственнаго характера этихъ народовъ, а то обстоятельство, что гунны появляются и дѣйствуютъ заодно съ другими скиѳскими народами, по мнѣнію автора, говоритъ о томъ, что гунны скиѳскій народъ и протечество ихъ слѣдуетъ искать въ нынѣшней Дакии

и Панноніи. Описаніе гунновъ далъ одинъ изъ членовъ посольства византійскаго императора Θεодосія въ 448 г. къ Атиллѣ, Прискъ; этотъ писатель, говоритъ авторъ, не дѣлаетъ никакой разницы между гуннами и скивами, но пользуется то однимъ то другимъ терминомъ для обозначенія одного и того же народа; Прискъ даже и не знаетъ двухъ народовъ, гунновъ и скивовъ, онъ имѣетъ дѣло съ однимъ народомъ, съ скивами, которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ называетъ и гуннами. Слѣдовательно, заключаетъ авторъ, гунны—это скивы. Но согласно свидѣтельству Иордана, Паннонія и Дакія съ незапамятныхъ временъ была заселена славянами; отсюда возникаетъ вопросъ, не назывались ли сами славяне гуннами. Описывая скивовъ (читай—гунны), Прискъ приводитъ слова: просо, медь, камъ (напитокъ изъ ячменя); съ другой стороны, и Иорданъ, описывая смерть Атиллы, говоритъ о тризнѣ, устроенной на его могилѣ гуннами, которые эту тризну называли stravой. Затѣмъ, славяне оплакиваютъ Атиллу, слѣдовательно, онъ происходилъ изъ ихъ среды. Для большей доказательности предположенія о славянствѣ Атиллы и гунновъ авторъ останавливается на славянскихъ чертахъ быта Атиллы у Приска и особенно на характеристикѣ политическаго строя его державы по Марцеллину, представляющаго типичное воплощеніе принциповъ славянской общины вопреки характерному для народовъ азійскаго происхожденія монархическому принципу. Историкъ VI-го в. Прокопій отождествляетъ гунновъ съ скивскимъ народомъ—массагетами, а массагеты въ это время были коренными жителями Балканскаго полуострова, т. е. въ VI в. коренное населеніе Балканскаго полуострова называлось гуннами. По Марцеллину же Аланы это древніе массагеты. Византійскій историкъ IX в. Θεофанъ отождествляетъ болгаръ съ гуннами. Свидѣтельство о томъ, что около 512 г. императоръ Анастасій построилъ стѣну противъ мизійцевъ или болгаръ и скивовъ, говоритъ, что въ это время, т. е. въ VI ст. болгары отождествляются съ мизійцами, т. е. съ мѣстнымъ этническимъ элементомъ, а самый фактъ постройки стѣны не гдѣ-либо въ Добруджѣ у Карпатъ или на Дунаѣ, а у самаго Царьграда показываетъ, что мизійцы или болгары въ то время населяли весь Балканскій полуостровъ. Что же касается національности Виталина, соперника императора и претендента на его престоль, то по даннымъ Иордана, Малалы, Θεофана, Марцеллина, заключаетъ авторъ, онъ былъ скивъ, еракіецъ, геть. Спрашивается, какимъ же образомъ этотъ геть, скивъ, еракіецъ, этотъ иноземецъ по происхожденію могъ стоять во главѣ съ боровшимися противъ византійской имперіи болгарами. Разрѣшеніе этого вопроса только и можно найти въ допущенія, что Виталинъ стоялъ во главѣ своихъ соотечественниковъ, которые именовались то скивами, то гетами, то гуннами,

то болгарами, то оракійцами, а скифы, оракійцы и геты — это древнѣйшіе поселенцы на Балканскомъ полуостровѣ и тождественны съ болгарами, такъ что и Виталинъ, будучи скифомъ, гетомъ, оракійцемъ — былъ болгаринѡмъ. Виталинъ, съ другой стороны, былъ внукомъ великаго полководца Аспаря, единственнаго въ исторіи соименника Аспаруха, по національности — гета, хотя Юрданъ называетъ его гетомъ, но такъ какъ Юрданъ не дѣлаетъ разницы между готами и гетами, а такъ какъ и по всему видно, замѣчаетъ авторъ, что Аспарь коренной обитатель Балканскаго полуострова, то изъ этого ясно, что онъ гетскаго происхожденія. Аспарь игралъ видную роль при византійскихъ императорахъ, предъ нимъ заискивали претенденты на престолъ, такъ какъ онъ имѣлъ вліяніе въ вопросѣ о престолонаслѣдіи и былъ убитъ императоромъ Львомъ изъ опасенія послѣдняго за прочность своего положенія. Отсюда понятна и причина вражды его внука къ Византіи, погибшаго по той же причинѣ отъ руки Юстина. Такимъ образомъ, въ V — VI вв. болгары жили во Фракіи, распространяясь отъ р. р. Савы, Дравы, Тиссы до устьевъ Дуная и на югъ до Солуны. Это, говоритъ авторъ, былъ народъ, который несъ на себѣ военныя тяготы Римской Имперіи, но который давалъ послѣдней не однихъ только солдатъ, а и военачальниковъ и императоровъ, какими были напр., Византійскій Императоръ Юстиніанъ и знаменитый полководецъ Белизаръ — оба болгарскаго происхожденія, первый изъ нишской области, второй — изъ душницкой или софійской.

Остатываясь подробно на вопросѣ о борьбѣ Византійской имперіи съ готами за независимость Италіи, авторъ приходитъ къ заключенію, 1) что Византійская имперія военныя силы для себя черпала среди оракійцевъ и иллирійцевъ, т. е. среди болгарскаго населенія Балканскаго полуострова и военачальниками ихъ обыкновенно выступали «Федераты» изъ болгарскихъ же областей; 2) что эти болгары, или гунны, славяне, анты, о которыхъ говорятъ первоисточники, никогда не дѣйствуютъ въ качествѣ самостоятельныхъ четь, склонныхъ къ завоевательной политикѣ; напротивъ, это населеніе носитъ миролюбивый характеръ, и имъ, какъ массою, пользуются для завоевательныхъ цѣлей со стороны; 3) что обычное представленіе, будто Римская имперія въ V — VI вв. столкнулась съ этимъ нападающимъ на нее новымъ варварскимъ элементомъ и должна была противъ него защищаться, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: болгарская народность переходила въ наступательныя дѣйствія только будучи тѣснима Римской имперіей. Составившееся въ наукѣ мнѣніе о славянскомъ вторженіи въ VI в. въ предѣлы Римской имперіи на Балканскій полуостровъ своимъ первоисточникомъ имѣетъ показанія Прокпія, но этотъ авторъ нигдѣ не говоритъ, что славяне, анты и гунны ка-

кой то чужеземный народъ, потому что каждый разъ, какъ только у него заходитъ рѣчь о ихъ поселеніи, онъ всегда прибавляетъ, что они жили по Дунаю, откуда и надо предполагать ихъ нападенія на Иллирію и Фракію. Если же славяне жили по ту сторону Дуная, то, авторъ полагаетъ, области древней Мизіи, Иллиріи, Фракіи, т. е. нынѣшняя Болгарія, Македонія и Сербія были заселены гуннами, а такъ какъ по показаніямъ того же Прокопія гунны тѣ же славяне, то ни о какомъ движеніи славянъ въ VI в. на Балканскій полуостровъ не можетъ быть рѣчи. Единственно о чемъ можно говорить, то только о набѣгахъ отдѣльныхъ бандъ на своихъ же соплеменниковъ сосѣдей въ цѣляхъ грабежа. Согласно свидѣтельству Теофана, болгары со стороны Днѣпра и Днѣстра появились во Фракіи въ 671 г. Велѣдъ за этимъ показаніемъ у Теофана же слѣдуетъ описаніе разселенія болгаръ у Азовскаго моря, велѣдъ за чѣмъ опять непосредственно слѣдуетъ рассказъ о смерти Кровата и раздѣлѣ его владѣній между сыновьями. По мнѣнію автора, изслѣдователи соединили вмѣстѣ эти два показанія и стали утверждать, что, согласно Теофану, болгары во главѣ съ сыномъ Кровата Аспарухомъ появились въ 671 г. со стороны р.р. Днѣпра и Днѣстра, между тѣмъ какъ тотъ же Теофанъ говоритъ, что еще въ 494 г. болгары блуждали по Фракіи и Иллиріи. Что касается князя Аспаруха, то въ найденномъ Поповымъ спискѣ болгарскихъ князей онъ подъ именемъ Есперихъ помѣченъ шестымъ княземъ, при чемъ о его предшественникѣ Безмѣрѣ въ этомъ спискѣ говорится, что онъ княжилъ надъ областью по обѣ стороны Дуная.

Итакъ, на вопросъ, гдѣ прародина болгаръ?—авторъ отвѣчаетъ: въ V-мъ в. болгары уже занимали территорію, граничащую на западѣ рр. Тиссой, Дравой, Савой и болгарской Моравой, на востокѣ Чернымъ моремъ и устьемъ Дуная и на югѣ Солунемъ.

Когда же болгары появились на мѣстахъ нынѣшнихъ своихъ поселеній? Отвѣчая на этотъ вопросъ, авторъ обращаетъ вниманіе на широкую популярность у всѣхъ славянъ имени римскаго императора Трояна. Авторъ видитъ въ этомъ доказательство того, что императоръ Троянъ во время своихъ походовъ воевалъ съ этимъ народомъ и побѣждалъ его въ Дакии, Мизіи, Иллиріи. Нѣкоторыя данныя для утвержденія связи между прежними поселенцами и нынѣшними болгарами представляетъ сопоставленіе родственныхъ словъ въ языкахъ фракійцевъ и нынѣшнихъ болгаръ. Для подтвержденія своей мысли авторъ приводитъ также и извѣстные слова лѣтописца: «по мнозѣхъ же врѣменехъ сѣли соуть словѣне по Дунаевѣ... кѣде іестъ нынѣ оугорьска земліа и болгарьска...» То же обстоятельство, что славяне жили здѣсь въ вѣкъ Трояна, т. е. въ началѣ 2-го в., свидѣтельствуется о томъ, что они старые поселенцы на своей

территоріи и что по крайней мѣрѣ около Рождества Хр. они уже были здѣсь. Несторъ считаетъ ихъ поселенцами Иллирій, гдѣ они приняли христіанство отъ апостола Павла, который былъ, такимъ образомъ, первымъ глашатаемъ слова Божія среди славянъ, такъ что во время покоренія славянъ Трояномъ первые уже были христіанами, о чемъ и сохранилось воспоминаніе въ народной пѣснѣ, противопоставляющей славянъ-христіанъ Трояну-язычнику.

Остановливаясь на вопросѣ о языкѣ праболгаръ, авторъ, исходя изъ соображенія о томъ, что древнѣйшіе сохранившіеся памятники болгарскаго языка, какъ памятники церковнаго по преимуществу характера, не могутъ дать истиннаго понятія о болгарскомъ народномъ нарѣчій, такъ какъ словарный матеріалъ ихъ несравненно меньше словарнаго матеріала былого народнаго языка, утверждаетъ, что встрѣчающіяся въ современномъ болгарскомъ языкѣ мало понятныя или темныя по своему происхожденію слова еще не могутъ быть показателемъ иноземнаго, не славянскаго происхожденія болгарскаго языка. Источники — Менандръ, Прокопій, Теофанъ, Теофилактъ и пр. называютъ славянскихъ князей Давренція, Хальбуда, Акамира, Ардагаста, Музока и пр. — имена, которыя безъ этихъ свидѣтельствъ трудно было бы назвать славянскими. Развивая свою мысль дальше, авторъ подробно останавливается на терминѣ *болгаринъ*. Онъ не согласенъ съ ходячимъ мнѣніемъ, что *болгаринъ* имѣетъ связь съ болгаръ т. е. человекъ съ Волги. Авторъ утверждаетъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ чисто звуковымъ совпаденіемъ, которое не можетъ быть основаніемъ для какихъ бы то ни было заключеній. Въ словѣ *болгаринъ* авторъ видитъ двѣ части: бул и гар; послѣдняя частица оказывается обычной въ окончаніяхъ болгарскихъ фамильныхъ именъ; она встрѣчается, напр., въ именахъ на надписяхъ Омортага — Чакагар, Куригир. Слѣдовательно, заключаетъ авторъ, по своему окончанію слово булгар — болгарское-гунское-славянское. Что касается первой части термина *бул* или *бъл*, то эта частица имѣетъ соотвѣтствіе въ такихъ историческихъ собственныхъ именахъ, какъ Баламир, Валамир; одинъ изъ послѣднихъ готскихъ князей носилъ имя — Валия; имена Вѣло, Вѣла, Вело, Вела — весьма распространенныя и въ настоящій моментъ болгарскія имена; наконецъ, въ видинскомъ округѣ имѣется село по имени Балей, первоначальная форма котораго несомнѣнно Балево. Всѣ эти данныя говорятъ въ пользу того, что слово *българ* не иноземнаго, тюркскаго, а мѣстнаго, болгарскаго, т. е. славянскаго происхожденія.

Обильный матеріалъ для утвержденія неславянскаго происхожденія болгаръ даютъ обыкновенно собственные имена первыхъ болгарскихъ

князей. Авторъ останавливается подробно на этомъ вопросѣ, выясняетъ этимологическій составъ этихъ собственныхъ именъ и доказываетъ ихъ славянское происхожденіе. Такъ, напр., говоритъ авторъ, имя перваго, по Теофану, болгарскаго князя—Криватъ имя несомнѣнно славянское, потому что оно идентично съ именемъ цѣлаго славянскаго народа. Аспарухъ=Есперихъ имя славянское, во-первыхъ, потому, что его носитъ сынъ Кривата, во-вторыхъ, потому, что оно соименно съ Аспаря, сыномъ Ардабура, а послѣднее славянскаго происхожденія, какъ сложное изъ Арда и бур по аналогіи съ Арда-рикъ—гепидскій князь, Арда-гаст—славянскій воевода. Такимъ образомъ, въ словѣ Ардабура—первая часть его несомнѣнно славянскаго характера, что же касается второй половины—бур или бар, то и эта частица встрѣчается въ славянскихъ именахъ, какъ, напр: Боривой, Боритакан, Борил; кромѣ того авторъ приводитъ современную фамилію Буровы и имя селенія Буриловець. Такого же славянскаго происхожденія и имена Телерик, Телецъ. Въ окончаніяхъ словъ Аспарухъ и Телерик авторъ видитъ типичное европейское рикъ, встрѣчающееся въ такихъ именахъ, какъ, напр., Рюрик, Аталарик, Теодорик, Борисъ изъ Бойрике и пр. Если частица рикъ даже и кельтскаго происхожденія, то это означаетъ только, что загадочныя имена болгарскихъ князей родственны именамъ кельтскимъ, нѣмецкимъ, русскимъ и пр., т. е. что они европейскаго характера, а не тюркскаго.

Такого же славянскаго происхожденія и имена на никъ, какъ Ирникъ или Винехъ. У древнихъ германцевъ, говоритъ авторъ, прадѣды чтились подъ именемъ асены, у готовъ такимъ именемъ называли благородныхъ по происхожденію, такъ что и имя болгарскаго князя Асѣнь, подобно тому, какъ въ нидерландахъ городъ Асенъ или имя художника Johan Walter von Assen, или имя готскаго князя Асинаръ, имя римскаго историка III-го в. Асинъ Квадратъ и т. под.—имя европейскаго происхожденія. Имя Мартагонъ, Миртагъ или Омиртагъ сложено изъ миръ и тагъ или тагонъ; поэтому Миртагонъ въ передачѣ на современный языкъ означало бы—Свѣтомиръ. Что касается окончанія славянскихъ именъ на миръ, то это окончаніе, какъ и окончанія рихъ или рикъ было настолько же распространено у германцевъ и даже едва ли не въ большей мѣрѣ, какъ и у славянъ. Особенно это излюбленное окончаніе нѣмецкихъ миическихъ словъ (Мимиръ, Скримиръ, Химиръ) и именъ готскихъ князей: Валамиръ, Тиудимиръ, Видимиръ, Гибимиръ и пр.

Изъ всего вышеизложеннаго, говоритъ авторъ, ясно слѣдуетъ, что имена болгарскихъ князей—европейскаго характера и что если на нихъ и замѣтно какое либо вліяніе, то это вліяніе европейское, чешское, кельтское, нѣмецкое, латинское, а не тюркское, татарское, чудское и

даже не какое либо иное европейское, напр., греческое. Но не все изъ вышеуказаннаго должно быть относимо на счетъ непосредственнаго вліянія; значительная доля общности должна быть отнесена и на счетъ индоевропейскаго сродства вышеназванныхъ народностей съ болгарми.

Авторъ считаетъ также ошибочнымъ мнѣніе, что у славянъ не существовало политическаго строя, что термины жупан, князь, царь взяты изъ мадыарскаго, нѣмецкаго или латинскаго языковъ. Термины князь и жупан славянскіе по своему происхожденію. Слово князь, утверждаетъ авторъ, не взято изъ нѣмецкаго *kuning*, такъ какъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ оно употребляется въ иномъ смыслѣ, нежели *kuning* у нѣмцевъ, и притомъ князь (кнѣзь) обычно для всѣхъ славянскихъ нарѣчій, между тѣмъ какъ терминъ *kuning* встрѣчается не у всѣхъ германцевъ, его нѣтъ у готовъ. Слово кнѣзь авторъ сопоставляетъ съ славянскимъ же кнѣгъ (книга), родственнымъ этимологически литовскому *kunigs* — священникъ, такъ что первоначальный смыслъ слова кнѣзь — священникъ, книжникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ управитель. Авторъ отрицаетъ существованіе когда либо у болгаръ терминовъ хан, коган, ханство и пр. и указываетъ единственный встрѣчающійся въ греческихъ надписяхъ для болгарскихъ князей титулъ — *kanes* = кнѣзь, гдѣ *a* = глухому *ъ*.

Непонятныя слова въ титулахъ болгарскихъ князей по списку Поннова авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: напр., при имени Есперихъ сказано: *лѣт* емоу верениалемъ; слово верениалемъ авторъ толкуетъ изъ нѣмецкаго языка и вышеприведенную форму онъ передаетъ такъ: жизнь его была постоянная борьба, или борьба противъ всѣхъ; такимъ же образомъ авторъ толкуетъ и слова сигоралемъ (о Миртагонѣ) — побѣдитель всѣхъ и т. д.

Такимъ же точно образомъ авторъ устанавливаетъ и тождество между именами гунскихъ князей и именами болгарскими, а отсюда и тождество между гуннами и болгарами. Итакъ, заключаетъ авторъ, изъ обзора всѣхъ данныхъ ясно слѣдуетъ, что славяне жили на юго-западѣ отъ Карпатъ, что готы появились съ востока и столкнулись съ славянами на юго-востокѣ отъ Карпатъ. Разбирая славянскіе имена — бук, море, корабль, коляда, поц, священникъ, церковь и т. д. съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія съ аналогичными терминами въ языкахъ нѣмецкомъ и греческомъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что славяне въ первоначальномъ своемъ поселеніи сосѣдили не съ восточными, а съ западными нѣмцами и что начатки культурнаго возрожденія славянства слѣдуетъ искать въ близкомъ сосѣдствѣ ихъ съ римлянами, т. е. что славяне западно-европейскій народъ, а нѣмцы — восточно-европейскій, а такъ

какъ окончаніе рик древнее окончаніе славянскихъ именъ, то имена: Рюрикъ, Телерик, Илюрикъ, Норик — имена одного и того же языка и народа, т. е. Рюрик не нѣмецъ и Телерик — не тюркескаго происхожденія, но всѣ они славяне.

Въ какомъ же отношеніи къ болгарамъ стоятъ склавены и анты? Авторъ полагаетъ, что послѣдніе затерялись въ нынѣшнихъ болгарахъ. Для рѣшенія поставленнаго выше вопроса авторъ обращается къ румынамъ, утверждая ихъ славянство, ввиду того, что древнѣйшее населеніе Валахіи, согласно историческимъ свидѣтельствамъ, были славяне. Въ политическомъ отношеніи Валахія составляла часть болгарскаго народа и болгарской державы, управлявшуюся отдѣльными господарями, которые носятъ чисто болгарскія имена, какъ: Мирчо, Радул, Влад и притомъ съ тѣми же болгарскими титулами, что и болгарскіе князья: воевода, господарь, кнез, поп и пр., съ языкомъ и грамотой болгарскими же, при чемъ болгарскій языкъ держался здѣсь вплоть до XVI-го в., съ какого времени начинается уже собственно румынская литература. Такимъ образомъ, славянство въ Румыніи болгарскаго характера, т. е. славяне, населявшіе Дакію, говорили по болгарски. Пользуясь филологическими изысканіями Цонева и Мисиркова по вопросу о связи болгарскаго языка съ языками хорватско-словенскими, авторъ говоритъ, что поселенцы области между Карпатами, рѣками Тиссой, Дравой, Савой, устьемъ Дуная, Чернымъ моремъ и Солунемъ говорили на болгарскомъ языкѣ и, слѣдовательно, составляли одинъ болгарскій народъ. Но по Иордану на томъ же пространствѣ жили славяне и анты. Какъ было указано выше, болгары въ старину назывались гуннами, а у Иордана анты и гунны называются другъ вмѣсто друга, равнымъ образомъ, какъ у Комеса Марцеллина Анты названы вмѣсто болгаръ. Отсюда авторъ дѣлаетъ выводъ: анты — гунны; гунны — болгары; слѣдовательно: анты — болгары; а такъ какъ и поселенія славянъ показаны на той же области, гдѣ и болгары, то — болгары и славяне названы одинъ вмѣсто другого.

Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, болгары, славяне и анты это одинъ и тотъ же народъ съ тремя названіями. Въ началѣ этотъ же народъ назывался скивами, затѣмъ гуннами, затѣмъ болгарами, а въ VI в. его называли: склавены, анты и болгары (гунны). А такъ какъ отъ болгаръ — славянъ распространилась письменность между другими славянами, то имя славянъ стало общимъ или расовымъ именемъ въ томъ числѣ и для болгаръ. Собственно же имя славяне есть частичное имя, имя одного славянскаго племени, на ряду съ которымъ стояли и другія славянскія имена, какъ болгары, анты, венеты и пр. Итакъ, славяне или болгары это дунайскіе поселенцы съ глубокой древности. У Геродота славяне

скрыты въ имени агатырсы по р. Марошъ. Очень любопытную генеалогію агатырсовъ читаемъ мы у автора: Agathyrtsai (Герод.)-Agazzires (Иорд.)-Хазароі (Ееоф.)-козари (Нестор.)-козакъ, сокращ. изъ козарь. Такимъ образомъ: козаки, венеты, лужичане, галичане, паннонцы и болгары жили по притокамъ Дуная, Вислы, Одера и Эльбы, по р. р. Марицѣ, Вардару, Струмѣ— съ незапамятныхъ временъ. Въ средѣ этихъ народовъ происходили передвиженія, но эти передвиженія носили внутренній характеръ, характеръ движенія европейскихъ народовъ.

Наконецъ, въ главѣ, посвященной вопросу о развитіи и ростѣ національнаго сознанія у болгаръ, авторъ доказываетъ, что Восточная Римская Имперія по существу своему была имперія не греческая, а славянская и въ частности болгарская и что борьба болгарскихъ князей съ византійскими императорами была борьбою претендентовъ на одинъ и тотъ же византійскій престолъ. Въ этомъ выразился первый моментъ зарожденія болгарскаго національнаго сознанія, болѣе высокою степенію выраженія котораго служатъ Кириллъ и Меѳодій и ихъ просвѣтительная дѣятельность. Нѣтъ никакихъ данныхъ для предположенія, что они греки по своей національности, равнымъ образомъ какъ такимъ даннымъ не можетъ служить и знаніе ими греческаго языка. О Кириллѣ говорится, что онъ былъ у Хазаръ, гдѣ велъ споръ съ евреями и сарацинами. Но, говорить авторъ, хазары или казаки были славянами, слѣдовательно, ему, какъ славянину, не составляло никакого труда говорить по славянски. И упоминаемые здѣсь евреи, по мнѣнію автора, тоже по всеѣмъ вѣроятіямъ какой либо славянскій народъ; положительнаго, впрочемъ, о нихъ ничего нельзя сказать, несомнѣнно, только, что это какой то европейскій народъ, не имѣющій ничего общаго съ евреями — потомками Авраама. Критикуя достовѣрность паннонской легенды, авторъ указываетъ на то обстоятельство, что рядомъ съ Кирилломъ и Меѳодіемъ дѣйствуютъ Намъ, Савва, Ангеларій, Климентъ, Гораздъ и пр., т. е. цѣлый кружокъ людей единомышленниковъ, сообща отправившихся въ Римъ, чтобы пеходатайствовать предъ папою санкцію на переводъ св. писанія на славянскій языкъ. Что касается славянскаго письма вообще, то авторъ придерживается взгляда, что это письмо развивалось постепенно; что оно — продуктъ культурнаго роста народа, а не какое либо случайное явленіе, данное извнѣ какими то чужестранцами. Согласно свидѣтельству Храбра, уже задолго до Кирилла болгары пользовались греческой и латинской азбукой и только съ теченіемъ времени, чтобы облегчить трудъ передачи на письмѣ звуковъ собственно болгарской рѣчи, въ существовавшее уже письмо были внесены поправки согласно съ требованіями звуковаго состава болгарской рѣчи. Что же касается личности самого Храбра, вы-

стушившаго въ роли апологета славянскаго письма, то она прекрасно характеризуетъ собою культурный уровень болгарской интеллигенціи того времени. Это культурное возрожденіе болгарской національности при преемникѣ царя Бориса Петрѣ временно пало подъ культурно-политическимъ вліяніемъ Византіи, но затѣмъ, спустя 160 лѣтъ, вновь возродилось, хотя и на краткое время, такъ какъ было подавлено затѣмъ турецкимъ игомъ...

Для своего труда авторъ широко ознакомился съ первоисточниками, изъ которыхъ далъ массу выдержекъ не только въ оригиналѣ, но и въ переводѣ на болгарскій языкъ. Работа исполнена съ увлеченіемъ чловѣка, преданнаго своей идеѣ, но то, что было нами сказано въ началѣ настоящей замѣтки, по всѣмъ вѣроятіямъ, согласится съ нами и читатель, составляетъ ея существенный недостатокъ. Мало прочувствовать истину, ее надо доказать, какъ бы она очевидна ни была, и вопросъ о томъ, какъ доказать истину, составляетъ важнѣйшую часть научнаго изслѣдованія и научной критики. Для г. Цѣнова не подлежатъ, напр., никакому сомнѣнію не только этнографическія приуроченія его источниковъ, но и идентичность этническаго термина съ дѣйствительнымъ объектомъ приложенія этого термина. Пользуясь показаніями своихъ источниковъ, какъ завѣдомо несомнѣнными данными, авторъ оперируетъ надъ этнической номенклатурой этихъ источниковъ, какъ надъ алгебраическими величинами, слагая и уравнивая ихъ между собою, такъ что въ концѣ концовъ становится не всегда понятнымъ, что для автора представляетъ существенный интересъ, голая ли номенклатура его первоисточниковъ или же дѣйствительность, скрытая за этой, нерѣдко весьма запутанной этнической номенклатурой, не говоря ужъ о томъ, что такой изслѣдователь, какъ, напр., проф. Шипмановъ, вовсе не находитъ возможнымъ пользоваться этими источниками для какихъ бы то ни было выводовъ, какъ весьма ненадежнымъ матеріаломъ, обладающимъ только лишь относительной цѣнностью. Такимъ образомъ, въ общемъ, ознакомившись съ изслѣдованіемъ г. Цѣнова, приходишь невольно къ заключенію, что ко всему, что было раньше написано по вопросу о праязыкѣ и прародинѣ болгаръ, вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ г. Цѣнова прибавилась еще одна книга, еще одна попытка «собственнаго» рѣшенія этого сложнаго вопроса, но вопроса она, конечно, не разрѣшила, и онъ по прежнему остался на томъ же мѣстѣ, откуда въ 1771 году его пытался впервые сдвинуть Шлѣдеръ.

Н. Державинъ.